

РАССКАЗЫ СЛАВОМИРА МРОЖЕКА

Sławomir Mrożek. Opowiadania. Krakow. Wydawnictwo Literackie, 1964.

Sławomir Mrożek. Uciezka na Południe. Warszawa, Iskry, 1965.

Не так давно «Литературное издательство» в Кракове выпустило объемистый том рассказов Славомира Мрожека, в который вошли многие его сатирические произведения разных лет. Кроме того, переиздана его ранняя юмористическая повесть «Бегство на юг». Перед нами, таким образом,— основные вещи Мрожека, если не считать пьес, составляющих как бы вторую сторону его творчества (они тоже сравнительно недавно вышли отдельной книгой) и, несомненно, заслуживающих специального разговора.

Старт Мрожека в литературе напоминал стремительный взлет: в 1958 году вышел сборник его сатирических рассказов «Слон», принесший ему широкую известность, потом почти одновременно появились еще два томика — «Свадьба в Атомицах» (1959) и «Прогрессист» (1960), прочно закрепившие первоначальный авторский успех. О Мрожеке польская критика заговорила как о вполне сформировавшемся, зрелом писателе, мастере сатирического жанра.

Легкие, напоминавшие акварели, иронические миниатюры и зарисовки в сборнике «Слон» затрагивали, казалось, незначительные, «боковые» проблемы польской действительности, нередко отталкивались от анекдота, курьеза. В плане веселой шутки выдержана была и повесть Мрожека «Бегство на юг» (1961), в которой рассказывалось о забавных похождениях трех юных друзей, странствующих по Польше вместе с необыкновенной человекообразной обезьяной, умеющей отлично говорить. С героями книги происходят всякого рода казусы, они становятся свидетелями многих «гримас быта»: то знакомятся с работой обувной фабрики, выпускающей продукцию (и, разумеется, сверхпланово) на одну левую ногу, то вздрагивают, потрясенные, на громадную заводскую трубу, которая немилосердно дымит. Самого завода, правда, нет, так как смета его еще не утверждена, но «штат» при трубе давно укомплектован...

Читатели сразу уловили за шутками Мрожека нечто большее: сатирик брал под огонь своей иронии бесхозяйственность и головоплетство, недоверие и перестраховку, самодовольство и фанфаронство — все те отрицательные явления общественной жизни, с которыми начиналась решительная борьба. И писатель, хотя и отталкивался от смешного случая, нередко наталкивал своих читателей на весьма серьезные раздумья.

...Детвора лепит снежную бабу (рассказ «Дети»). Эта невинная забава представляется некоторым взрослым весьма подзвучивающей. Пьянице-продавцу кажется, что

такая деталь, как нос-морковка у чучела, явный намек на его пристрастие к бутылке; председатель городского совета, под чьими окнами слепили злополучную «бабу», и вовсе усматривает в этом «карикатуру на органы народной власти». Дети, несправедливо наказанные отцом, на следующий день снова лепят снежную бабу, на этот раз уже полные мстительных чувств.

Автор, видимо, еще недостаточно доверяет пронизательности читателя и спешит сам пояснить ему, что хорошо и что плохо. Позднее Мрожек начисто отказался от этого и не случайно: морализаторство, как и прямое, дословное толкование событий, происходящих в его рассказах, противоречит самому характеру его сатиры. Вспоминаются в этой связи «меткие», по выражению Ленина, слова Фейербаха: «Остроумная манера писать состоит, между прочим, в том, что она предполагает ум также и в читателе». Манера Мрожека, несомненно, «предполагает» известную интеллектуальную подготовленность читателя, который как бы настраивается на определенную авторскую волну.

Своеобразие и оригинальность манеры Славомира Мрожека некоторые критики объясняют тем, что он успешно развивает традиции великих сатириков прошлого — от Свифта и Гоголя до Чапека, — оставаясь в то же время писателем очень польским (язык которого Ивашкевич назвал «превосходным, чарующим своей стилизованной иронией»).

Есть, однако, у Мрожека и еще один объект осмеяния, значительно расширяющий адрес его сатиры и выводящий ее за рамки чисто польской проблематики, — современное мещанство, мещанство как общественное, социальное явление.

Современный мещанин многолик. Его изменяющийся, ускользающий облик бывает трудно распознаваем. Но Мрожек умеет разглядеть мурло мещанина, выставить на всеобщее обозрение его внутреннюю пустоту и несостоятельность, зыбкость и неустойчивость его общественно-гражданской позиции.

Для Мрожека осмеяние мещанства — одна из «сквозных» тем творчества. Духовное капитулянтство мещанина перед грубой силой — часто повторяющийся мотив многих его одноактных пьес, таких как «Кароль», «В открытом море», а также целого ряда рассказов.

Неизвестный прохожий в рассказе «Встреча» останавливает героя на улице (он был «выше меня ростом и гораздо шире в плечах», — спешит тотчас заметить рассказчик). Тонем, не терпящим возражений, неизвестный приказывает герою явиться к нему и произвести уборку квартиры. Тот, разумеется, поначалу негодует, потом хорохорится, уже больше для видимости, робко заявляя, что не привык мыть пол холодной водой, так как страдает ревматизмом, и, наконец, вовсе смиряется. Подобно трусливому воплю вырывается у него последняя фраза, когда неизвестный удаляется: «Ведь он не оставил мне своего адреса!»

Повествование в рассказах Мрожека чаще всего ведется от лица именно такого маленького, незаметного человека. Однако его «маленький человек» — отнюдь не вызывающий симпатию персонаж из чаплинских фильмов. «Маленький человек» Мрожека — мещанин, в душе которого дремлют честолюбивые помыслы, мечты о неограниченной власти. Казалось бы, герой новеллы «Моп г  п  гал» — тишайшая личность, преисполненная благородных стремлений всячески «развивать свою индивидуальность». Одно плохо, жалуется он генералу, которого случайно спас от беды, — «среда заела». Простодушный вояка понимает смысл этих сетований слишком прямолинейно: в знак благодарности он представляет к своему спасителю личную охрану — двух дюжих армейцев. И герой рассказа, еще полный как будто возвышенных дум, уже с удовольствием наблюдает, как зазевавшийся швейцар, не успевший вовремя распахнуть перед ним дверь, получает увесистую оплеуху от одного из верных «ангелов-хранителей». Вкусивши прелесть власти, герой дает понять своим заступникам, что подобным же образом надо встретить и замешкавшегося разносчика молока.

Внимательным взглядом сатирика Мрожек присматривается к облику мещанина с разных сторон, изучает его в различных, подчас самых невероятных, обстоятельствах фантастического гротеска, к которому он особенно тяготеет последнее время.

Следует заметить, что в ряде своих гротесков Мрожек варьирует мотив почти добровольного отказа некоторых представителей рода человеческого от своей сущности. Мысль о духовной капитуляции малодушного индивида перед грубой силой как бы получает свое дальнейшее развитие: постепенная деградация завершается здесь уже окончательным вырождением. Хозяин громадного пса («Верный страж») незаметно превращается в раба своей собаки, и нако-

пец наступает день, когда он становится на четвереньки. Еще немного, и он, вероятно, начнет лаять...

Мне кажется, что повторяющийся мотив этот порою обретает у Мрожека характер навязчивой идеи. В рассказе «Шах», например, на стадионе, превращенном в шахматное поле, два маньяка-шахматиста разыгрывают замысловатую партию с помощью... человеческих фигур. Роли «королей» и «ферзей» выполняют старики-пенсионеры, послушно, как автоматы, передвигающиеся по полю: этим они прирабатывают себе на жизнь. Едва ли оправданно в данном случае такое ироническое «уравнивание» людей с шахматными фигурками. Закоченевшие от холода старики производят скорее жалкое, нежели комическое впечатление.

Главный редактор журнала «Шпильки» А. Мостович, представляя Славомира Мрожека советскому читателю, писал, что «его сатира порой принимает характер болезненной операции». Самая болезненная литературная операция оправдана, если ясно виден источник, очаг болезни. Щедрин, говоря о сатире, справедливо указывал на два фактора, определяющих ее действительность: «Во-первых, чтоб она давала почувствовать читателю тот идеал, из которого отправляется творец ее, и, во-вторых, чтоб она вполне ясно сознавала тот предмет, против которого направлено ее жало».

Мрожек — конечно, талантливый и опытный писатель. Вопрос, однако, в том, всегда ли точно используются им ирония, гротеск и насмешка, всегда ли автор позволяет читателю ясно почувствовать тот идеал, от которого он отправляется, приступая к своим «болезненным операциям». Такие новеллы, как упоминавшийся уже выше «Шах» или «Падение Орлиного гнезда», где нарочито смещены акценты и спутаны сатирические адреса, где автор, как бы единой шутки ради, уравнил своих героев с предметами неодушевленными, заставляют думать, что здесь сами приемы превращаются для писателя в самоцель, в своего рода литературную забаву. Но ведь одного этого слишком мало для подлинной сатиры.

Конечно, следует учитывать, что в рецензируемый том, куда вошли рассказы Мрожека разных лет, попали наряду с прекрасными новеллами и вещи менее удачные, а может быть, и те, которые являются свидетельством его новых художественных поисков, подчас связанных с определенными издержками и просчетами.

Ведь Мрожек сам однажды шутливо заметил, что хотя он родился три десятка лет назад, процесс этот до настоящего времени «не завершился». Как видно, и особый мир, созданный силой его творческого воображения, — мир сатиры и гротеска — еще пребывает в движении, в развитии.

С. ЛАРИН

СРЕДИ КНИГ